

Марина Яковлева
(Санкт-Петербург)

**«ИЗ НИХ БЫЛ СЛАВЕН НЕ ОДИН...»:
князя Юсуповы¹**

Николай Борисович и Татьяна Васильевна Юсуповы были не очень счастливы в браке. После разрыва Николай Борисович некоторое время жил в своем доме на Фонтанке, а она перебралась с сыном в дом на Английской набережной. Этот дом (современный адрес — Английская набережная, 54) был подарен Татьяне Васильевне на свадьбу императрицей Екатериной II. Здесь княгиня и прожила с сыном Борисом, а затем с невесткой и внуком вплоть до покупки дворца на Мойке в 1830 году.

Николай Борисович же в 1810 году продал дворец на Фонтанке в казну и осенью того же года уехал в Москву, которая стала теперь местом его постоянного проживания.

А. Я. Булгаков 15 ноября 1810 года писал своему брату: «Я познакомился с Юсуповым, который спрашивал о тебе; он здесь поселился. Переселения из Петербурга становятся все чаще и чаще, дороговизна там страшная» [4, с. 189]. В том же году Николай Борисович купил под Москвой у князей Голицыных усадьбу Архангельское. В Петербурге он бывал теперь довольно редко.

О детях Татьяны Васильевны от первого брака сохранилось не очень много сведений. Сын Александр Михайлович Потемкин был участником Отечественной войны. В 1814 году, вернувшись с русской армией из заграничных походов, в салоне своей матери он любил рассказывать о взятии Парижа войсками союзников, о падении Наполео-

---

¹ Окончание. Начало см.: Слово.ру: балтийский акцент. 2010. № 1 — 2.

на, о подписании капитуляции. Александр Михайлович женился в 1815 году на княжне Татьяне Борисовне Голицыной, оставившей о себе память как о женщине очень религиозной, занимающейся благотворительностью. Судя по переписке фрейлины княжны Варвары Ильиничны Туркестановой со швейцарцем Фердинандом Кристином, этот брак очень занимал высшее общество Москвы и Петербурга. Любопытно, что письма Кристина и Туркестановой, опубликованные впоследствии в журнале «Русский архив», были последним чтением императора Александра II. Их принесла императору графиня С. А. Бобринская за несколько дней до покушения 1 марта 1881 года [10, с. 497].

О браке А. М. Потемкина с Т. Б. Голицыной постоянно велись разговоры в светских гостиных. Тринадцатого июля 1814 года Туркестанова писала: «Татьяна Голицына выходит за Потемкина, сына от первого брака княгини Юсуповой. Жених не представляет собой ничего особенного, но добрый малый. Он хорошо служит, скоро будет произведен в полковники и имеет десять тысяч крестьян, чем нельзя пренебречь в наш век; кроме того, он влюблен и обещает быть прекрасным мужем. Девица прелестна. Я боялась, не романтична ли она несколько, однако же, она выходит замуж без особой любви, но охотно» [11, с. 520].

Татьяна Васильевна сразу привязалась к своей будущей невестке. «Княгиня Юсупова никого не видит, кроме княжны Голицыной», — написала Туркестанова 26 июля 1813 года [9, с. 354].

Отношения с другой невесткой — Зинаидой Ивановной, женой младшего сына Бориса Николаевича Юсупова, не складывались. Может быть, это происходило потому, что старая княгиня не одобряла образ ее жизни. В отличие от Татьяны Потемкиной, не любившей развлечений, Зинаида Юсупова была веселой, жизнерадостной женщиной. Свекровь осуждала ее за пристрастие к светской жизни (хотя и сама в молодые годы увлекалась ею). Но обе ее невестки были яркими личностями и, судя по всему, находились между собой в добрых отношениях. Не случайно художник Г. Чернецов изобразил их стоящими рядом на своей известной картине «Парад на Царицыном лугу».

Дочь Татьяны Васильевны, крестница Екатерины II, занимала при дворе высокое положение. Она была статс-дамой императрицы Марии Александровны, жены Александра II. Замуж вышла за одного из самых выдающихся людей своего времени, будущего дипломата — Александра Ивановича Рибопьера.

У Екатерины Михайловны и Александра Ивановича родились пятеро детей: сын и четыре дочери. Сын, Иван Александрович Рибопьер-

ер, закончил юридический факультет Петербургского университета. Среди его университетских друзей был Владимир Карамзин, младший сын писателя и историографа Н. М. Карамзина.

Одну из дочерей назвали в честь бабушки Татьяной. Кто мог тогда предположить, что эта девочка впоследствии станет, как и бабушка, княгиней Юсуповой?¹

Многие вспоминали о Татьяне Васильевне как о доброй, отзывчивой женщине. Но это была еще и женщина с сильным и властным характером. Владея громадным состоянием, она сама занималась управлением имений. Одаренная практическим умом, Юсупова очень умело вела дела. До самой своей смерти в 1841 году Татьяна Васильевна держала в своих руках и управление Большим домом в Петербурге². Так, словно именно она была здесь полноправной хозяйкой, а не ее невестка Зинаида Ивановна. Впрочем, в этом сыграл свою роль и ее сын Борис, воспитанный матерью в глубочайшем к ней уважении и почтении, доходившем иногда до абсурда [15, с. 11].

И насколько с благоговением Борис относился к своей матери, настолько не уважал он отца. Судя по воспоминаниям современников, отношения отца и сына были довольно сложные. И не оттого, что, якобы, Борис не был такой артистической натурой, как его отец, и именно поэтому им было сложно найти общий язык. Противоречивая личность Бориса Юсупова не исключала серьезного увлечения искусством. Известно, что он переводил статьи о музыке для различных журналов [Там же, с. 10]. А когда в Россию в 1839 году приехал никому еще тогда не известный бельгийский виолончелист Анри Франсуа Серве, Борис Николаевич был одним из первых, кто стал пропагандировать его талант. К тому же Серве писал концерты для виолончели со скрипкой совместно с Анри Вьетаном — учителем музыки сына Бориса Николаевича. А Вьетан же, как известно, стал впоследствии одним из самых выдающихся скрипачей XIX века.

Так что при желании отношения отца и сына могли сложиться самым благоприятным образом. Кто был виной тому, что этого не вышло? А может быть, и сама Татьяна Васильевна, как всякая оскорбленная женщина, приложила руку к тому, чтобы сын принадлежал только ей?!

---

¹ Татьяна Александровна Рибопьер, будучи внучкой Татьяны Васильевны от ее первого брака, в 1856 году вышла замуж за ее внука от второго брака — Николая Борисовича Юсупова-младшего. Таким образом, у молодых была общая бабушка.

² Так Юсуповы называли свой дворец на набережной реки Мойки в Санкт-Петербурге.

«Сына своего, — вспоминал И. А. Арсеньев, — князь Николай Борисович терпеть не мог и говорил всегда про него: "Ce gros benet a la nature d'un maigre commercant (Большой простофиля и мелкий коммерсант)"» [1, с. 77].

Кажется, что Борис Николаевич и Архангельское не любил потому, что это имение так дорого было его отцу. «Князь Борис Николаевич, — утверждала Е. П. Янькова, — никогда не жывал подолгу в Архангельском, и ни разу никто у него там не выпил и чашки чаю» [2, с. 172].

Поразительно, но Николай Борисович даже не был на свадьбе сына.

А. Я. Булгаков 19 января 1827 года отправил брату письмо, в котором описал свое посещение маскарада: «Я все сидел со стариком Юсуповым, который был очень весел и любезен (сегодня свадьба его сына)» [8, с. 9].

Рассказывая в биографических записках «Былое и думы» о своем отце и круге его общения, А. И. Герцен вспоминал, что «к этому кругу принадлежал в Москве на первом плане блестящий умом и богатством русский вельможа, европейский большой барин и татарский князь, Н. Б. Юсупов» [3, с. 97].

Высказывание А. И. Герцена очень важно при оценке личности Николая Борисовича. Пожалуй, даже важнее, чем мнение А. С. Пушкина, посвятившего князю стихи и называвшего его «мой Юсупов».

А. С. Пушкина вообще интересовали все екатерининские вельможи, и Юсупов — не больше других. Так же Пушкин тянулся к Загряжской, Голицыной, И. А. Римскому-Корсакову и прочим.

А Герцен очень верно подметил противоречивость природы Николая Борисовича: с одной стороны — блестящий европеец, а с другой — лукавый восточный князь. Думается, что здесь Герцен имел в виду не татарские корни Юсуповых, а то, о чем позднее А. А. Блок напишет в поэме «Скифы».

Россия была и остается наполовину азиатской страной, и Н. Б. Юсупов стал воплощением своей страны. Это русское барство проявлялось у него даже в мелочах. Например, «в клеенчатом халате, в коем его сиятельство изволил, сидя в карете, один разъезжать» (Из письма А. Я. Булгакова от 10 мая 1822 года) [6, с. 411].

А. И. Герцену довелось служить под началом Николая Борисовича. Впрочем, назвать это «службой» можно лишь с очень большой натяжкой. Вот что по этому поводу вспоминал сам Герцен: «...отец мой определил-таки меня на службу к князю Н. Б. Юсупову в Кремлевскую экспедицию. Я подписал бумагу, тем дело и кончилось: больше я о службе ничего не слыхал, кроме того, что года через три Юсупов прислал дворцового архитектора... известить, что я получил первый офицерский чин» [3, с. 111].

Кремлевская экспедиция была создана для восстановления Кремля после пожара 1812 года. Ее начальником стал князь Юсупов.

Следует заметить, что, несмотря на строгость отца, Герцен все-таки только числился на службе, как многие дворянские дети. Своему же собственному сыну князь Юсупов «числиться» не позволил: Борис, действительно, служил в молодые годы в Министерстве иностранных дел под началом Каподистрия. Правда, это было в Петербурге, где всем руководила Татьяна Васильевна. Но, судя по всему, Николай Борисович интересовался делами сына. Вот только характер Бориса все равно формировался без влияния отца.

И в восточной лукавости европейца Юсупова Герцену также удалось убедиться на личном примере. Когда он захотел учиться в университете, его отец категорически возражал и говорил, что сын «своими капризами мешает ему устроить его карьеру». Но, видя, что Александр непреклонен, решил поехать к его начальнику — Николаю Борисовичу.

«Юсупов рассудил дело вмиг, — вспоминал Герцен, — отчасти по-барски и отчасти по-татарски. Он позвал секретаря и велел ему написать отпуск на три года. Секретарь помялся, помялся и доложил со страхом пополам, что отпуск более, нежели на четыре месяца, давать нельзя без высочайшего разрешения.

"Какой вздор, братец, — сказал ему князь, — что тут затрудняться; ну, в отпуск нельзя, пиши, что я командирую его для усовершенствования в науках — слушать университетский курс"» [3, с. 112]. Так А. И. Герцен был откомандирован от Кремлевской экспедиции на три года для учебы в Московском университете.

О татарском происхождении Николая Борисовича при каждом удобном случае вспоминали его современники, объясняя этим (иногда не к месту) многие его поступки, в том числе и известную юсуповскую скупость.

В начале 1826 года Николай Борисович был назначен ответственным за траурные мероприятия, проходящие в Москве в связи со смертью императора Александра I.

«Юсупов осрамился, — писал брату А. Я. Булгаков 2 февраля 1826 года. — Говорят, что траурная колесница стоит 1500 рублей. <...> Ужели Юсупов так скуп на казенные? Говорят, что в Курске колесница пылала золотом и парчами; стыдно, что губернский город перещеголял столицу. Экой этот Юсупов кашей» [8, с. 353]. Эта тема долго не давала покоя А. Я. Булгакову. В следующем письме он описывает «катафалк, коего рисунок очень хорош, но украшения всюду являют татарскую юсуповскую скупость» (письмо от 4 февраля 1826 года) [8, с. 356].

«Юсупов сделал церемониймейстерами мальчишек, не имеющих самого понятия ни о порядке, ни о благопристойности. Все это шло слишком скоро, а не печальным шагом. Нет, брат, его дело оперу итальянскую набирать, а тут надобно иметь душу, сердце тронутое и преисполненное важности предмета предстоящего» [8, с. 364].

Впрочем, у императорской семьи были совершенно другие представления об организаторских способностях князя Юсупова. Не случайно именно Николай Борисович назначается главным маршалом на коронациях трех российских императоров: Павла I, Александра I и Николая I.

Деятельная натура Николая Борисовича не позволила ему уйти «на заслуженный отдых». Поэтому некоторый отход от дел в начале царствования императора Александра Павловича сменяется активным поиском среды для приложения своих сил.

В 1819 году, например, его энергия направляется на оживление деятельности московского Благородного собрания, старшиной которого он был. По инициативе Николая Борисовича (татарский князь!) стать членами этого уважаемого общества приглашается императорская семья. А когда согласие было получено, в разные уголки России рассылаются за подписью князя и еще десяти старшин Благородного собрания письма, подобные тому, что получил эстляндский гражданский губернатор Б. В. Иксуль:

«Его Императорскому Величеству со всею Августейшей фамилией угодно было принять звание членов Российского Благородного в Москве Собрания. Старшины сего знаменитого общества... посчитали обязательным предложить билеты бывшим членам, пребывающим в губерниях, как равно и не бывшими оными. Узнав же о чести, оказанной Императорским Домом, еще более пожелают быть членами того общества, которое украшено именем Монарха. Для того препровожаем при сем к Вашему превосходительству один экземпляр Правил Российского Благородного Собрания и при нем 35 мужских, 35 дамских и 35 для девиц билетов. Покорнейше просим предложить оные благородному дворянству вверенной Вам губернии. На основании 1-ого параграфа Правил Собрания стоимость за мужской билет по 50; дамский по 25 и для девиц по 10 рублей за каждый билет, надписав на оном под номером имя, отчество и звание. Билет действителен как на нынешний, так и на будущий 1820 год» [13, д. 265]. И заканчивается письмо указанием, чтобы деньги и оставшиеся не проданными билеты возвратили старшинам в Москву.

Несмотря на почтенный возраст (который постоянно напоминает о себе), Николай Борисович стремится быть в курсе всего происходяще-

го в Москве. Будучи директором Кремлевской экспедиции, он по приглашению начальника московского Главного архива иностранных дел А. Ф. Малиновского посещает это учреждение 12 сентября 1820 года.

А. Я. Булгаков написал брату: «Малиновский мучил Юсупова, чтобы иметь его посещение; возили его в Архив, где он хандрил и было ему скучно и откуда уехал через $\frac{3}{4}$ часа, спеша в Немецкий театр, который все-таки не так скучен, как Архив» [5, с. 557]. Через семь лет, забыв о своем посещении архива и, вероятно, чувствуя себя получше, Николай Борисович вновь захотел его увидеть. «Старик, — пишет А. Я. Булгаков 8 января 1827 года, — прибавил, что никогда не бывал в Архиве, но теперь поедет непременно посмотреть» [8, с. 6].

«Очень жаль, — говорила Е. П. Янькова своему внуку, — что не осталось писанного его дневника: много любопытного мог бы передать этот вельможа, служивший более шестидесяти лет при четырех государях, видевший три коронации, знавший столько иностранных королей, вельмож, принцев и знаменитостей, живших в течение полувека» [2, с. 348].

Хорошо известно, как Николай Борисович любил свое Архангельское. Но была еще одна подмосковная усадьба, которая занимала особое место в его жизни, — родовая вотчина на правом берегу реки Клязьмы — Спасское-Котово. Впервые она упоминается в архивных документах как деревня Курлыково еще в XVI веке. С 1676 года земли эти принадлежали князю И. Б. Репнину, который построил здесь хоромы и скотный двор. В 1684 году по приказу князя возвели каменную Спасскую церковь. С тех пор село именовалось по храму — Спасское-Котово. В 1720-е годы землю купил Г. Д. Юсупов. В 1755 году его сын Борис занялся реконструкцией поместья. При нем вокруг тогда еще деревянного господского дома был разбит прекрасный сад. В 1788 году во владение именем Спасское-Котово вступил Николай Борисович. Именно в это время, на рубеже XVIII—XIX веков, усадьба пережила небывалый расцвет. Здесь был разбит регулярный парк со строгими аллеями, плодовыми деревьями, искусственными прудами. В селе построили кирпичный завод. Так что Николай Борисович сумел в своей усадьбе, расположенной в удивительно красивом месте, не только создать прекрасный архитектурный ансамбль, но и наладить небольшие производства. В так называемых отказных книгах за 1799 год записано: «В селе Спасском, Котово тож, церковь каменная Спаса Нерукотворного Образа с приделом Владимирской Божьей Матери, деревянный дом с деревянными же службами. Легулярный сад с ранжерееми, с плодовитыми деревьями, четыре пруда, кирпичные заводы» [12, д. 124].

С покупкой Архангельского значение Спасского для Николая Борисовича, конечно, уменьшается. Сердце его теперь навсегда отдано Архангельскому. И невольно напрашивается вопрос: «Почему же, так любя свои родовые земли на Клязьме, вложив в эту усадьбу столько сил и средств, князь не попытался устроить свой райский уголок здесь? Зачем он вообще покупает Архангельское?» Ответить на этот вопрос мог бы, наверное, только сам Николай Борисович. Мы же попытаемся только предположить. Недоходное Архангельское стало душой Николая Борисовича, выражением его сущности, его интересов. Спасское же, обзаведенное уже небольшим производством, так и осталось неопределившимся, незавершенным замыслом князя: с одной стороны, великолепный архитектурный усадебный ансамбль в живописном месте, а с другой — фабрика, заводы, красильня... Так уготована была Спасскому судьба родовой усыпальницы, о которой забыли даже следующие поколения Юсуповых. В 1912 году приехал в Спасское праправнук Николая Борисовича — Феликс Юсупов. Состояние некогда великолепной усадьбы привело его в трепет: «На пригорке близ елового бора стоял дворец с колоннадой. Казалось, он прекрасно вписывается в пейзаж. Но как только я приблизился, то пришел в ужас: все сплошь — развалины!» [14, с. 72].

Николай Борисович часто и подолгу жил в Спасском. Иногда сюда приводила беда: пожары в Архангельском. Так было в 1812 и 1820 годах, так было и в 1830-м. Казалось бы, с пожаром 1812 года все ясно: война. Москва сгорела — не то что Архангельское! Но оказывается, что именно этого военного пожара либо можно было избежать вовсе, либо он мог нанести меньше ущерба. Вот что писал своей жене граф Ф. В. Растопчин 27 октября 1812 года: «Мужики начинают опустошения; так как грабить нечего, они жгут. Это они сделали в Петровском у графа Льва и в Архангельском у Юсупова» [7, с. 482].

О пожаре 1820 года А. Я. Булгаков писал брату: «Юсупов повесил нос. Славное Архангельское сгорело от неосторожности людей, а другие говорят от скупости, потому что для убережения картин, а более дров, велено было топить галерею стружками, а от стружек до пепла долго ли?» [5, с. 328].

Во время пожара 1830 года сгорели две фабрики — фарфора и хрустали. «Сгорели корпуса, и продукция, и даже бесценный северский сервиз "Баррийская роза", купленный прежде в Париже», — писал Ф. Юсупов [14, с. 17].

Судьбе было угодно, чтобы доживал свой век Николай Борисович именно в Спасском. В 1831 году князь скончался и был погребен за ал-

тарем северного придела Владимирской иконы Божьей Матери. Над его могилой выстроили часовню-усыпальницу. Она вплотную примыкала к апсиде северного придела.

Князь Борис Николаевич Архангельское не любил, но вот Спасское-Котово, как родовое гнездо, не забывал.

Николай Борисович и Борис Николаевич были последними, кто завещал похоронить себя в Спасском-Котово. Не нашедшие общего языка при жизни, лежат рядом в фамильном склепе Спасской церкви отец и сын.

А рядом — две женщины, бывшие частью их жизни: первая жена Бориса — Прасковья Юсупова и крепостная актриса Е. Колосова. Княгини же Юсуповы, не жаловавшие друг друга свекровь и невестка, Татьяна Васильевна и Зинаида Ивановна не возымели желание найти вечный покой рядом с мужьями в их семейной усыпальнице.

Обе похоронены в Петербурге.

«Испытанья Господни, — любила повторять Татьяна Васильевна, — научают терпеть и верить» [14, с. 16].

Список литературы

1. *Арсеньев И. А.* Слово живое о неживых (Из моих воспоминаний) // Исторический вестник. 1887. № 1—2.
2. *Благово Д. Д.* Рассказы бабушки. Л., 1989.
3. *Герцен А. И.* Былое и думы. Л., 1978.
4. *Переписка К. Я. и А. Я. Булгаковых* // Русский архив. 1899. Кн. 3. № 10.
5. *Переписка К. Я. и А. Я. Булгаковых* // Русский архив. 1900. Кн. 3. № 9—12.
6. *Переписка К. Я. и А. Я. Булгаковых* // Русский архив. 1901. Кн. 1. № 1—4.
7. *Переписка К. Я. и А. Я. Булгаковых* // Русский архив. 1901. Кн. 2. № 5—8.
8. *Переписка К. Я. и А. Я. Булгаковых* // Русский архив. 1901. Кн. 3. № 9—12.
9. *Переписка Ф. Кристина и княжны В. И. Туркестановой* // Русский архив. 1912. Кн. 3. № 11.
10. *Переписка Ф. Кристина и княжны В. И. Туркестановой* // 1912. Кн. 3. № 12.
11. *Переписка Ф. Кристина и княжны В. И. Туркестановой* // 1913. Кн. 1. № 4—5.
12. РГАДА. Фонд 1290. Юсуповы.
13. РНБ. ОР. Фонд 777.
14. *Юсупов Ф. Ф.* Мемуары. М., 1998.
15. *Яковлева М. А.* «Важны лишь доброта и честность...» СПб., 2006.